

Научная статья. Исторические науки

УДК 327(5)

DOI: 10.31696/2072-8271-2025-1-1-66-128-148

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ САМОБЫТНОСТЬ И УНИВЕРСАЛЬНОСТЬ: В ПОИСКАХ ИНДОНЕЗИЙСКИХ ТЕОРИЙ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Никита Сергеевич КУКЛИН¹, СИБАРАНИ Даме Мария Нова²,

¹ МГИМО, Москва, Россия

² Независимый исследователь, Джакарта, Индонезия

¹ kouklinesawicki@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-5715-847X>

² Dame.sibarani@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-0178-7787>

Аннотация: В статье рассматривается эволюция международных отношений как науки, учебной дисциплины и направления социально-политической мысли в современной Индонезии. Предлагается гипотеза о существовании самобытных теорий и подходов к международным отношениям в стране. Как и многие постколониальные государства, Индонезия после обретения независимости столкнулась с необходимостью создания и развития национальной системы образования и научных исследований. Наряду с техническими специальностями, социально-гуманитарные направления получили особую поддержку государства, так как именно от этих ученых зависела дальнейшая концептуализация роли и места Индонезии в современной истории и системе международных отношений.

Авторы настоящего исследования предпринимают попытку изучить современное состояние науки о международных отношениях в Индонезии, определить основные научные и образовательные центры, проанализировать вклад главных теоретиков этого направления, а также выявить ключевые идеи и концепции индонезийской социально-политической мысли, влияющие на формирование индонезийского дискурса в рамках незападных теорий международных отношений.

Ключевые слова: *Индонезия, международные отношения, незападные ТМО, Панча Сила, Юго-Восточная Азия*

Для цитирования: *Куклин Н.С., Сибарани Д.М.Н. Концептуальная самобытность и универсальность: в поисках индонезийских теорий международных отношений // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития, 2025, Том 1, № 1 (66). С. 128–148. DOI: 10.31696/2072-8271-2025-1-1-66-128-148*

Original article. Historical science

CONCEPTUAL DISTINCTIVENESS AND UNIVERSALITY: IN SEARCH OF INDONESIAN THEORIES OF INTERNATIONAL RELATIONS

Nikita S. KUKLIN¹, SIBARANI D.M.N.²

¹ MGIMO, Moscow, Russia

² Independent Researcher, Jakarta, Indonesia

¹ kouklinesawicki@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-5715-847X>

² Dame.sibarani@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-0178-7787>

Abstract: The article examines the evolution of international relations as a science, academic discipline, and direction of socio-political thought in modern Indonesia. A hypothesis is proposed about the existence of original theories and approaches to international relations in the country. Like many postcolonial states, Indonesia faced the need to create and develop a national education and research system after gaining independence. Along with technical specialties, social and humanitarian areas received special support from the state, since it was these scientists who determined the further conceptualization of the role and place of Indonesia in modern history and the system of international relations.

The authors attempt to study the current state of science on international relations in Indonesia, identify the main scientific and educational centers, analyze the contribution of the main theorists of this direction, and also identify the key ideas and concepts of Indonesian socio-political thought that influence the formation of Indonesian discourse within the framework of non-Western theories of international relations.

Keywords: *Indonesia, international relations, non-Western ITR, Panca Sila, Southeast Asia*

For citation: Kuklin N.S., Sibarani D.M.N. Conceptual Distinctiveness and Universality: In Search of Indonesian Theories of International Relations. *Yugo-Vostochnaya Aziya: aktual'nyye problemy razvitiya*, 2025, T. 1, № 1 (66). Pp. 128–148. DOI: 10.31696/2072-8271-2025-1-1-66-128-148

Дискуссия о существовании т.н. незападных теорий международных отношений, начатая еще в 2010 г. Б. Бузаном и А. Ачарьей в их книге *Non-Western International Relations Theory Perspectives On and Beyond Asia*, сразу же затронула и Индонезию. В одной из глав этой работы известный индонезийский исследователь И. Ланти и его сингапурский коллега Л. Себастиан провели подробный анализ этнокультурных предпосылок, сформировавших особое мировоззрение нацио-

нальных элит страны в сфере международных отношений¹. Так как, по мнению авторов, в Индонезии пока не сформировалось развитой школы изучения международных отношений, то оценивать их восприятие следует, основываясь на национальной политической культуре.

Подобный вывод берет свое начало в работах не менее известных классиков индонезийских исследований – Б. Андерсона и К. Гирца. Оба выделяли политическую культуру Индонезии как уникальный пример в мировой истории². По их мнению, индонезийский народ следует системе политических и социальных норм, унаследованных из предыдущих пластов развития индонезийской культуры и дополняемых строгой, иерархией незаметной для условного западного наблюдателя³.

Индонезийские элиты, как и общество, воспринимают настоящее как момент времени, существующий одновременно с прошлым и будущим, где опыт прошлых поколений имеет важное значение, а восприятие мира будет формироваться с учетом его цикличности и ранее определенных закономерностей бытия.

Немаловажно и то, что в основе индонезийской государственности лежит разработанная первым президентом, Сукарно, идеология Панча Сила (*Pancasila*). Эта идеология-философия через провозглашаемые ей пять принципов утверждает ценности, объединяющие индонезийский народ в единый конструкт. Помимо этого Панча Сила ведет свое происхождение непосредственно от традиционных основ общественного устройства различных этносов Индонезии, выражая общие для всех идеи и морально-этические установки.

В силу исторически развитого синкретизма индонезийского общества Панча Сила открыта для представителей всех политических сил и идеологий, так как она успешно сочетается с любой политической идеологией, существующей в Индонезии. Ее положения в равной степени применимы как к мусульманским и христианским политическим партиям, так и к демократическим и националистическим движениям, каждый из которых находит в Панча Сила своего рода универсальную этическую парадигму и фундамент для разработки новых идей в сфере политики.

Служит Панча Сила и источником для ключевых внешнеполитических доктрин, как например «доктрина активной независимости» 1945 г., авторства первого вице-президента Индонезии М. Хатта. Доктрина, актуальная в практике индонезийского МИД и по сей день, подразумевает, что Индонезия намерена самостоятельно определять собственную активную позицию по отношению к мировым пробле-

мам без внешнего давления и присоединения к каким-либо блокам⁴. Несмотря на снижение прямой роли Панча Сила и ее упоминания в политическом процессе, она остается неким фундаментом, определяющим «правила игры» политических партий и движений, а также саму суть государственности, ее образ.

При этом индонезийское общество не полагается только на внутренний, пусть и уникальный опыт и согласиться с выводами И. Ланти полностью – довольно трудно, так как политическая мысль в Индонезии последовательно развивается не только в рамках традиционной идейно-философской базы, но и на основе современных достижений общественных наук. Индонезия располагает значительным числом частных университетов со своей исследовательской культурой и оригинальными работами. Эти университеты зачастую поддерживаются различными фракциями индонезийского общества от религиозных организаций и политических партий до крупного и среднего бизнеса. Существует и значительное число государственных университетов широкого и узкого профиля.

Подобный подход обеспечивает государственную службу и инвесторов из сферы бизнеса или политики притоком квалифицированных интеллектуальных кадров и не только в сфере социальных наук или, например, теологии, но и в юридической сфере, медицине и различных *hi-tech* областях⁵.

Данная конкурентная модель в подготовке образовательных кадров сложилась уже после периода Реформации в Индонезии (1998–2004 гг.), так как отставка Сухарто и трансформация политического ландшафта способствовали развитию множества политических партий и общественных движений, занявших свое место в новой системе.

Зачастую, при исследовании незападных ТМО классическим примером для подтверждения их существования выступает Китай, политика которого в научной сфере имеет ярко-выраженную направленность на создание альтернативных Западу дискурсов и нарративов, которые, однако, базируются на западных парадигмах или переосмысливают их с точки зрения китайской специфики, что делает эти теории и публикации заметными для западноцентричной науки. Другим примером построения собственных ТМО в постколониальную эпоху является Индия, где на базе нескольких крупных интеллектуальных центров сформировались нерувианская школа МО, гандианизм, политический индуизм и другие, применимые к сегодняшнему индийскому контексту теории⁶.

Индонезия сегодня такой целенаправленной политики не имеет; более того, западные теории и западные авторы очень популярны в университетской среде, что может создавать ложное впечатление о том, что Индонезия своей общественно-политической мысли не имеет. Термин общественно-политическая мысль более применим к индонезийским ТМО, так как границы восприятия международных отношений в рамках одной или нескольких дисциплин определить невозможно, они довольно эфемерны. Индонезия в данном случае скорее выступает неклассическим примером с точки зрения дискуссии о развитии в этой стране самобытных ТМО, поскольку их доктринальная и научная концептуализация не является столь цельной и узкоспециализированной в рамках МО, как например, в КНР.

Однако, за последние двадцать лет в Индонезии стали проявляться первые признаки оформления собственной базы исследования ТМО в целях проведения как более эффективной внешней политики и анализа мировой ситуации, так и подготовки дипломатических кадров и кадров государственной службы.

Также в индонезийской истории возможно выделить несколько видимых этапов эволюции внешнеполитических основ. Каждый из них сопровождался новым витком внутренней дискуссии среди политиков, ученых и общественных деятелей о том, на каком базисе будет строиться внешняя политика и как она будет развиваться с учетом внутренней специфики, которая более важна для рядового индонезийца, чем то, что происходит за пределами его страны. Сегодня эти этапы можно разделить на периоды президентства Сукарно (1945-1965 гг.) и Сухарто (1965-1998 гг.), период Реформации (1998-2004 г.), подобный по своей масштабности Перестройке в СССР, и современный период с 2004 г. и по настоящее время. С приходом к власти Прабово Субианто в 2024 г. и рядом изменений во внутренней политике Индонезии можно говорить уже и о новом, пост-современном периоде переосмысления индонезийской внешней политики и роли Индонезии в мире в связи с глобальными трансформациями в системе международных отношений и новыми угрозами для лидерства Индонезии.

Каждый из этих периодов отличался и стремлением одновременно сохранить старые и развить новые идеи и концепции, которые в итоге должны были эффективно сочетать мудрость прошлого и глубокое видение будущего.

Этот опыт сегодня находит свое отражение не только в речах президентов и в идеологических лозунгах различных периодов, он также выражен в многочисленных работах современных индонезий-

ских и зарубежных ученых, формирующих единую систему знаний и представлений о том, что же такое Индонезия в современной системе международных отношений. Отсюда следует, что такое самобытное мировоззрение заслуживает особого внимания современных исследователей с точки зрения необходимости понимания национальных и региональных процессов, на которые Индонезия сегодня влияет в значительной степени.

Мировоззренческие пласты как уровни восприятия международных отношений в Индонезии

Международные отношения являются, в первую очередь, формой постижения отдельной сферы человеческих отношений, потому здесь необходимо отметить, следуя логике Андерсона, что современное индонезийское государство, если мы определяем его как социальный конструкт, основывается на различных мировоззренческих комплексах, каждый из которых благодаря местным особенностям сохранялся, и присоединялся к той совокупности мыслей и знаний о мире, которая формировалась на каждом из исторических этапов развития Индонезии и предшествующих ей государственных образований⁷.

При этом нельзя сказать, что Индонезия была изолирована, так как в доколониальный период, такие империи прошлого как Шривиджая и Маджапахит были активными участниками сетей торговли по Индийскому океану, а затем и многочисленные султанаты, королевства и княжества не теряли связей с внешним миром даже в колониальный период, так как голландцам понадобилось несколько столетий войн и подавлений восстаний, чтобы сломить последние из государственных образований в Индонезии, поскольку Султанат Аче или бакийские королевства сохраняли независимость до начала XX в.

Скорее мы говорим о значительной самобытной традиции, которая адаптировала внешние идеи к своему контексту. Это сформировало такую особенность индонезийского сознания, как приоритетность внутренней среды перед внешней. Индонезия, несмотря на полноту различные с США исторические условия развития, близка к примеру американской дилеммы исключительности и изоляционизма, более понятной российскому читателю.

Индонезия, со времен борьбы за независимость и на протяжении XX в., с одной стороны, последовательно оценивала внешний мир с позиции роли Индонезии в мировых делах, а с другой – с точки зрения необходимости внутреннего процветания в безопасных от внешнего влияния условиях развития. Одна категория, таким образом, не суще-

ствовала без другой. Мировоззренческие комплексы или пласты – это исторические этапы развития народов Индонезии, на каждом из которых доминирующей становилась определенная социально-политическая, идеологическая или религиозная концепция. Каждый из пластов переосмысливает предыдущий и адаптирует прошлое к настоящему, что в итоге приводит к созданию единой социальной матрицы, системы норм, правил и традиций, регулирующих социальные и политические отношения. Эта система так или иначе проявляет себя не только в Индонезии, но и во многих незападных сообществах, особенно в регионе ЮВА, однако в случае Индонезии она может быть выявлена достаточно определенно.

Средневековый индо-буддийский и исламский периоды закладывают основы синкретизма и коллективизма, где общество и элиты воспринимаются как единая иерархическая семья. Эта эпоха также характеризуется адаптацией внешних идей, будь то ислам в прошлом или социализм и демократия в современности. Символом этой адаптации является «Махабхарата», считающаяся индонезийским культурным наследием.

В XIX – начале XX вв. формируется антиколониальный пласт, объединяющий различные этнические и политические силы. Формируются националистические, мусульманские и коммунистические движения, стремящиеся к созданию единого государства. Эти идеи подкрепляются появлением таких организаций, как «Буди Утомо» и «Сарекат Ислам». Адаптируются и принимаются во внимание европейские идеи, не менее значимые для формирования будущего независимого государства.

Закладываются основы восприятия европейского опыта через рефлексию над опытом колониального управления и анализа ошибок метрополии в развитии территорий. Немаловажно и то, что многие индонезийские интеллектуалы этого периода задаются вопросом нереализованности амбиций и потенциала Индонезии, ее выпадения из мировой истории из-за захвата европейцами и потери самобытности.

Международные отношения и политическая мысль как направление исследований при Сукарно и Сухарто

17 августа 1945 г., Сукарно и его сподвижник Мохаммад Хатта провозгласили независимость Индонезии, а затем и сами были избраны в качестве президента и вице-президента страны. В основу Конституции и молодого государства Сукарно заложил идеологию-

философию Панча Сила, которая состояла из пяти принципов, таких как: вера в единого Бога; справедливая и цивилизованная гуманность; единство страны; демократия, направляемая разумной политикой консультаций и представительства; осуществление социальной справедливости для всего народа Индонезии⁸.

На этом этапе философская доктрина Панча Сила еще не была полноценной идеологией, однако уже задавала ориентиры для развития государства, а также определяла правила политической и общественной жизни. Сукарно привнес в Панча Сила свой предыдущий опыт концепции индонезийского общинного социализма «Мархаэнизма», разработанной им в 1930-е гг. в бытность его активным участником антиколониального движения.

При этом Сукарно, как член движения Сарекат Ислам, привнес в Панча Сила и идеи из концепции исламского социализма его учителя Агуса Салима – видного деятеля и интеллектуала. Таким образом, Панча Сила была идеологией понятной всем политическим силам того периода, так как мусульманские и христианские организации высоко оценили принцип единобожия, социалисты и коммунисты одобрили общинные традиционные принципы и принципы социальной справедливости в основе доктрины, а националисты ставили во главу угла единство страны и демократические механизмы, сформированные уникальной общественной системой и ситуацией накануне обретения независимости Индонезии.

Каждый из принципов Панча Сила выходил далеко за рамки декларативной формулировки, устанавливая правила поведения. Например, принцип веры в единого Бога позволил установить равенство в правах между религиозными группами, особенно мусульманским большинством и влиятельными меньшинствами других религий. Даже баийский индуизм, имеющий в своей основе близкое к авраамическому понятие «Единого Бога» Санг Хьянг Видхи или Ачитнья попал под широкую трактовку первого принципа Панча Сила, в рамках более поздней политики шести официально-признанных религий. Наличие подобного принципа означало, что любой, покусившийся на баланс в религиозной сфере, будет считаться выступающим против основ самой государственности.

Во внешней политике принципы Панча Сила нашли свое отражение в доктрине Хатта или т. н. концепции «Активной и независимой внешней политики», при которой доктрина определяет Индонезию как внеблоковую и нейтральную страну, которая сохраняет право активно использовать все доступные средства для защиты своих

национальных интересов. Подобный подход дал начало активному участию Индонезии и Сукарно в формировании Движения Неприсоединения, а затем и в создании АСЕАН, поскольку втягивание Индонезии в конфликты холодной войны напрямую угрожало возможности процветания и развития нации согласно Панча Сила, а при некоторых допущениях и ее территориальной целостности.

Это оказалось выгодным решением как с точки зрения внутренней политики, поскольку народ Индонезии явно устал от войны и антиколониальной борьбы, на которую было затрачено много сил. С другой стороны, это способствовало формированию самобытной внешней политики новой нации. Индонезия также видела себя борцом за свободу и справедливость для всех молодых народов, освободившихся из-под колониального гнета.

При этом, Панча Сила накладывала и определенные ограничения на внешнюю политику, например, Сукарно и его сторонники умело лавировали на исламском направлении, демонстрируя с одной стороны приверженность ценностям мировой Уммы, но, с другой стороны, не спешили отождествлять такую политику с исламской солидарностью, называя это борьбой с колониализмом. Такой подход объяснялся тем, что внешняя поддержка исламского дискурса властями Индонезии могла бы нарушить принцип Панча Сила, предусматривающий равенство всех религий. Дипломаты периода Сукарно происходили из разных политических групп и могли иметь различное образование от юридического и медицинского до журналистского, так как комплектовались из участников войны за независимость, которые сами по себе были талантливыми организаторами. Это в значительной степени напоминает первый состав НКВД СССР, большая часть которого не была представлена профессиональными дипломатами.

С приходом Сухарто в результате переворота «Движения 30 сентября» 1965 г. и поражения коммунистической партии и ряда военных элит, Панча Сила из философской концепции трансформировалась в полноценную идеологию. Вскоре, в 1973 г., она была объявлена обязательной для всех политических партий (специфика могла сохраняться, но Панча Сила стояла выше исламской или демократической основы партии)⁹.

Сухарто также избрал основой своей политики борьбу за мировую справедливость, поддержку неприсоединения и позитивный имидж Индонезии, однако улучшил отношения с западными странами, так как определял прагматизм и инвестиции приоритетными для развития нации. Несмотря на однозначно негативные черты режима

«Нового порядка» Сухарто и травму антикоммунистических репрессий, именно при нем начала развиваться система научного знания в Индонезии, следовавшая за успехами экономического развития. Сухарто поддерживал множество амбициозных проектов в сфере ядерных технологий, ракетостроения и космоса (Индонезия четвертая в мире страна, запустившая спутник в космос), медицины, клинической психологии.

Правительство также уделило внимание научным дисциплинам гуманитарного профиля, так как помимо создания лозунгов для граждан, требовался академический и экспертный анализ мировых событий для потребностей властей. Развитие международных отношений в Индонезии началось в контексте исторических и политических наук, что схоже с российским подходом. Однако индонезийские особенности определили акцент исследователей на изучении того, как сложная внутренняя политика влияет на дипломатию и внешнеполитическую стратегию страны, ее региональную политику и глобальное позиционирование.

Центрами научной деятельности становились частные университеты, нередко связанные с правительством, армией и, в редких случаях, с религиозными и общественными движениями. Эти учреждения могли готовить и поддерживать собственные научные кадры.

Многие из университетов были основаны при Сукарно, часть осталась функциональной с колониальных времен, но, так или иначе, эти университеты были значимы как центры притяжения интеллектуалов со всей страны. Если для сукарновского периода требовались самые базовые профессии от инженеров до врачей и строителей, то сухартовский период уже требовал усложнения образования и системы подготовки кадров.

Однако это не означает полное отсутствие интереса Сукарно к социальным наукам, поскольку еще в 1950-е гг. некоторые ученые гуманитарной сферы были направлены на стажировки в США, например, в Калифорнийский университет в Беркли, Корнельский университет и Университет Огайо, где уже тогда работали некоторые специалисты по Индонезии и рос интерес к этой стране¹⁰. В 1956 г. Сукарно основал Совет наук Индонезии (*MIPU*) как головную организацию, в которую входили Институт питания, Национальный институт биологии и Департамент биологии. Общее развитие наук и их систематизация привели к тому, что в 1957 г. было произведено основание первой кафедры по МО в одном из самых престижных и первых университе-

тов страны — Гаджа Мада (*UGM*), упор в ее работе был на интернационализацию и изучение западного опыта.

Формирование современной системы изучения МО и становление аналитических центров

Большинство ученых, формирующих сегодня внутренний дискурс Индонезии по МО, являются воспитанниками университетов периода Сухарто. В 1985 г. произошло открытие первой программы Университета Индонезии (*UI*) на базе квалификационной карты Индонезии (*KKNI*), которая обладала высочайшим рейтингом «А» в рамках этой национальной системы аккредитации. В этот период подготовка кадров в системе МО опиралась на учебники и книги, написанные такими американскими учеными, как Джордж Ф. Кеннан, Ганс Моргентау, Кеннет Уолтс, Эрнст Б. Хаас. Многие программы поддерживались по линии Фонда Азии, Фондов Форда и Рокфеллера и других организаций¹¹.

Реалистическая традиция прочно закрепилась среди индонезийских ученых, оказав влияние на содержание их курсов. Они часто стереотипно полагали, что реализм является основой американского могущества.

Во многих отношениях реалистические концепции, такие как национальная мощь, национальные интересы, баланс сил или сдерживание были очень близки и сознанию военных, и чиновничьих элит сухартовского периода. К концу 1980-х гг. уже более 12 кафедр МО в стране обучали будущие дипломатические и экспертные элиты. С 1996 г. в университете Аирланга (*UNAIR*) были реализованы первые совместные лекции западных преподавателей (в основном из США и Австралии) и местных исследователей.

В 1980-х также формируются предпосылки к образованию самобытной школы изучения МО на базе опыта ученых Университета Индонезии, названной «Депокской школой» по местоположению университета. У ее истоков стоял руководитель отдела международных отношений и декан факультета социальных и политических наук Университета Индонезии (1985–1994 гг.) Ювоно Сударсоно, который позднее занимал крупные государственные посты, в том числе пост министра обороны Индонезии¹². Сударсоно предложил анализировать мировую политику через призму концепции «5G и 3D». В представлении ученого 5G – концепция, подчеркивающая переплетение пяти географических пространств: локального, провинциального, национального, регионального и глобального. Эти уровни взаимосвязаны и

влияют друг на друга в международных отношениях, особенно в применении к индонезийской специфике. В том, что касается 3D – этот элемент акцентирует внимание на переплетении политического, экономического и социокультурного измерений. Сударсоно считал важным анализировать, каким образом эти сферы взаимосвязаны и влияют на международную динамику.

В 1990 г. Университет Индонезии начинает выпуск профильного издания «Глобал: журнал по международной политике» (*Global: Jurnal Politik Internasional*)¹³. В 1997 г. появляется научное издание «Журнал по политическим и общественным наукам» (*Jurnal Ilmu Sosial dan Ilmu Politik*)¹⁴ университета Гаджа Мада, где начинают выходить статьи по международным отношениям и политологии. В 2004 г. Университет Мухаммадия, существующий под эгидой одноименной мусульманской организации, второй по величине в Индонезии, начал выпуск собственного издания «Журнал по международным отношениям» (*Jurnal Hubungan Internasional*)¹⁵. Большинство этих изданий индексируется ныне в *Scopus* и других научных базах данных. По сей день они сохраняют статус наиболее престижных и узнаваемых вовне журналов.

Однако, более заметной стороной индонезийских исследователей можно назвать публикацию книг и монографий по международным отношениям.

Одной из первых попыток осмысления международных отношений и внешней политики Индонезии была книга «Панча Сила, Самобытность и современность: этический и культурный обзор» (*Pancasila, Identitas dan Modernitas: Tinjauan Etis dan Budaya*) политолога, религиозного деятеля и культуролога Эка Дармапутра. В ней проводится подробный обзор идейных основ индонезийской государственности и дипломатии. В полной мере это нельзя назвать книгой о международных отношениях, скорее это полноценное междисциплинарное историческое и политологическое исследование. Дармапутра, в частности, продолжает идеи Андерсона об уникальной самобытности индонезийского восприятия международного политического пространства, взаимосвязанности государственных политических конструкций с политической и дипломатической культурой.

В 1996 г. сингапурский политолог и исследователь китайской диаспоры в Индонезии Лео Сурьядината выпускает довольно критическое издание «*Indonesia's Foreign Policy Under Suharto: Aspiring to International Leadership*», одновременно с ней выходит книга Деви Фортуна Анвар «*Indonesia's Strategic Culture: Ketahanan Nasional*,

Wawasan Nusantara, and Hankamrata»¹⁶, где проводится анализ ключевых концепций: национальной устойчивости, нации-архипелага и государственной безопасности. Деви Фортуна Анвар и Лео Сурьядината считаются сегодня одними из самых влиятельных авторов в среде международных отношений и политических исследований.

Деви Фортуна Анвар занимала позднее посты пресс-секретаря президента, советника вице-президента Индонезии по политическим и научным вопросам. Сегодня она является приглашенным профессором и научным сотрудником множества индонезийских и западных аналитических центров, а также входит в совет директоров престижного аналитического центра *Habibie Center* и является высокопоставленным научным сотрудником Национального агентства исследований и инноваций Индонезии (BRIN).

Что интересно, Деви Фортуна Анвар одной из первых подчеркивает, что Индонезия должна играть более активную роль на международной арене, не только в рамках АСЕАН, но и в более широких глобальных контекстах. Она настаивает в своих работах на важности «средних держав», таких как Индонезия, в продвижении многосторонности и глобального сотрудничества¹⁷. Она также отмечает важность гуманитарной дипломатии и защиты прав человека. Анвар считает, что Индонезия должна использовать свою мягкую силу для продвижения демократических ценностей и прав человека как на региональном, так и на международном уровне. Несмотря на полностью вестернизированный дискурс, Деви Фортуна Анвар предпринимает одну из первых попыток адаптации этой теоретической базы под национальные интересы Индонезии.

В свою очередь, Сурьядината также рассматривает, как этническое разнообразие в регионе может влиять на вопросы безопасности и необходимость сотрудничества между государствами для поддержания стабильности. Он подчеркивает роль многосторонних организаций, как АСЕАН, в содействии мирному сосуществованию и сотрудничеству. Его вкладом в развитие индонезийских ТМО можно считать подробное исследование этнического фактора и роли диаспор в межгосударственных и деловых контактах.

В 2003 г. выходит фундаментальная работа по исламскому курсу внешней политики Индонезии «*Islam in Indonesian Foreign Policy Domestic Weakness and the Dilemma of Dual Identity*»¹⁸ авторства известного политолога Ризала Сукма. В ней он впервые выдвигает гипотезу о том, что политика Индонезии в отношении мусульманского мира никогда не была основана на политическом исламе, а придержива-

лась антиколониальной аргументации как более умеренной идеологии. Во многом эта работа повлияла на пересмотр данного направления внешней политики исламскими учеными из все более набирающих силу после Реформации мусульманских организаций. Одним из таких исследователей выступил Азьюмарди Азра, который сочетал фундаментальные познания в области исламского богословия с современным политологическим дискурсом¹⁹. Ризал Сукма также был послом Индонезии в Великобритании, работал в министерстве обороны и был председателем совета Мухаммадии по международным делам.

В 2008 г. Ганевати Вурьяндари, глава регионального отделения Индонезийского института наук (*LIPi*) также издает ныне популярную работу «Внешняя политика Индонезии посреди водоворота политики внутренней» (*Politik Luar Negeri Indonesia di Tengah Pusaran Politik Domestik*), в которой она исследовала характерную для Индонезии зависимость внешней политики от внутренних изменений в характере элит, политической культуре и ценностях каждого из элитарных классов и их мировоззрения²⁰.

Что касается непосредственно международных отношений, то отдельного внимания заслуживает работа профессора Университета Джаябая Умара Сурьяди Бакри «Основы международных отношений» (*Dasar-dasar hubungan internasional*)²¹, вышедшая в 2017 г. Это полноценный университетский учебник, излагающий классические ТМО понятным языком со ссылками на работы представителей зарубежных и национальных школ.

В 2016 и 2017 гг. вышли в свет две книги «Теория международных отношений. Классические подходы» (*Teori Hubungan Internasional Perspektif-Perspektif Klasik*)²² под редакцией Винсенцио Дугиса, профессора Университета Аиррланга и «Изучение теории международных отношений: классические, альтернативные и рефлексивные теории» (*Studi dan teori hubungan internasional: arus utama, alternatif, dan reflektif*)²³ авторства Боба Сугенга Хадивината, профессора католического Университета Парахьянган. Эти работы представляют собой краткий обзор существующих ТМО, в основном западного происхождения, и часто используются в университетах.

Этой же логике следует работа политолога и профессора Университета Президент Анака Агунга Банью Первита «Понимание современных международных отношений» (*Memahami Hubungan Internasional Kontemporer*)²⁴ 2019 г. и одна из последних книг на тему изучения МО и ТМО «Вопросы и акторы внешней политики» (*Isu dan*

Aktor Politik Luar Negeri)²⁵ 2020 г. Мохтара Масуда, профессора кафедры международных отношений университета Гаджа Мада.

В том же 2020 г. выходит в свет еще одна актуальная работа по тематике ТМО авторства профессора Университета Дипонегоро Мохамеда Росьидина «Теория международных отношений» (*Teori Hubungan Internasional*), которая на сегодня считается одной из наиболее популярных в университетской среде. Несмотря на то, что работа содержит описание наиболее современных теорий международных отношений и их ответвлений и сформировавшихся школ, она также продолжает логику обзорных работ по западным ТМО. Большинство вышеперечисленных авторов также обучались в США, Австралии и Великобритании в период с 1970–1990 гг.

Попытка самобытного взгляда на ТМО с точки зрения яванской классической философии предпринята в статье «Яванская критика западной теории международных отношений» (*Kritik Jawa atas Teori Hubungan Internasional Barat*) авторства исследователей из университета Бравиджайя – Юсли Эффенди и Дион Маулана Прасетя. Они утверждают, что когнитивный дискурс власти в исследованиях международной политики, с яванской точки зрения, онтологически и эпистемологически отличается от западной концепции власти, а потому, действия Индонезии в международных делах зачастую воспринимаются неправильно западными исследователями²⁶.

По причине доминирования ТМО западного происхождения в образовательном процессе, некоторые эксперты склонны оценивать индонезийскую внешнюю политику и систему подготовки дипломатов как систему, находящуюся под дискурсивным влиянием США и западных стран. На практике же, как национальная политическая культура, так и уровень развития гуманитарных наук в Индонезии демонстрируют значительную степень самобытности. С момента поступления на дипломатическую службу, индонезийский гражданин следует сложным внутренним правилам и корпоративным ценностям организации, которые в свою очередь, опираются на доктринальные и концептуальные основы внешней политики. Аналогично и в научном сообществе, заимствованные теории международных отношений все более осмысляются как инструмент, требующий адаптации под национальные реалии.

В вышеперечисленных работах данная эволюция взглядов от простого заимствования к переосмыслению выражена ярко, что позволяет говорить если не о собственных индонезийских ТМО, то об

индонезийской рамке восприятия международного опыта в сфере международных отношений.

Например, Университет Паджаджаран, расположенный в Бандунге, играет важную роль в подготовке дипломатов и специалистов по международным отношениям для страны. Как одно из ведущих образовательных учреждений Индонезии, он предоставляет высококачественное образование в области международных отношений и политологии. Факультет политических и социальных наук предлагает современную и актуальную учебную программу, которая охватывает все аспекты дипломатии, включая межкультурную коммуникацию, международное право и экономику.

Университет также активно сотрудничает с различными международными организациями и правительственными учреждениями, предоставляя своим студентам возможность участвовать в стажировках и обменных программах, что способствует развитию практических навыков и профессиональных контактов. Большинство кадровых дипломатов МИД Индонезии являются выпускниками этого университета, при этом он не имеет особого статуса при МИДе. Также на дипломатическую службу поступают выпускники ранее упомянутых Университета Индонезии и Университета Гаджа Мада, что подтверждает развитую систему подготовки кадров на базе классических школ МО в Индонезии.

Большое влияние на осмысление внешней политики страны оказал ее непосредственный архитектор – министр иностранных дел Индонезии в 2009-2014 гг., Марти Наталегава, который в значительной степени воплотил в жизнь глобальный внешнеполитический курс Индонезии, направленный на усиление ее роли в мировых и региональных делах²⁷.

Помимо университетских и государственных элит, современный дискурс МО в Индонезии формируется зачастую в недрах аналитических центров, исторически влиятельных в стране в силу ассоциированности с государственным аппаратом или крупными политическими силами. Эта традиция также берет свое начало со времен Сухарто, так как именно он приказал учредить такие организации как Институт социально-экономических исследований образования и информации (LP3ES), Институт экономических и социальных исследований (LPEM6), вышеупомянутый Индонезийский институт наук (LIPI), Центр исследований политики и реализации (CPIS), и Центр стратегических и международных исследований (CSIS / *Center for International Relations Studies, CIREs, Universitas Indonesia*).

Среди всех индонезийских аналитических центров и исследовательских сообществ отдельно необходимо выделить именно *CSIS Indonesia*, который был основан в 1971 г. как объединение ведущих ученых и политиков Индонезии, близких к крупным университетам и президенту страны для анализа внутренней и внешней политики и организации стратегического планирования в различных сферах. В 1980-е годы *CSIS* принимал активное участие в формировании общей сети *CSIS ASEAN*, которая и теперь объединяет аналитические центры Десятки в единую площадку²⁸.

В 2019 г. *CSIS* в рамках рейтинга *Global Go To Think Tanks* получил 4 место в регионе ЮВА и занял 61-е место в списке лучших не американских мозговых центров по всему миру из 144. Ранее в 2018 г. *CSIS* занимал 1-е место в регионе ЮВА. Всего, по данным разных рейтингов, в Индонезии насчитывается от 30 до 37 международно-известных аналитических центров. Также необходимо учитывать, что свои аналитические и исследовательские центры содержат политические партии, религиозные организации и многочисленные частные лица. Национальное агентство исследований и инноваций Индонезии (*BRIN*) также располагает в своей структуре Научно-исследовательским институтом по политическим вопросам, где изучаются вопросы международных отношений и политики. Зачастую, многие известные исследователи в этой области имеют несколько аффилиаций, лишь дополняющих их экспертный статус в научном сообществе. Примечательные и такие аналитические центры как *Economic Research Institute for ASEAN and East Asia (ERIA)* или *Center for Indonesian Policy Studies (CIPS)*. Экспертиза других аналитических центров сосредоточена в областях государственного управления и естественных наук и экологии.

Продолжают развиваться аналитические центры при крупных университетах. Например, *Institute of International Studies* и *Center for Southeast Asian Social Studies (CESASS)* при Университете Гаджа Мада известны своей качественной экспертизой по региональной проблематике Юго-Восточной Азии и исследованиями современной системы международных отношений.

Период Реформации 1998–2004 гг. и переход к демократической форме организации общества привел к формированию конкурирующих фракций, часть которых была представлена старыми элитами Сухарто, а другая часть – старыми элитами, которые при Сухарто подавлялись и обладали ограниченным политическим влиянием.

Широкомасштабная реформа Министерства иностранных дел Индонезии, проведенная под руководством министра Хассана Вираюды, способствовала повышению эффективности и гибкости индонезийской дипломатии, практически освободив ее от прежних бюрократических и управленческих трудностей. Тем не менее, данное преобразование не устранило элитарный характер внешнеполитической сферы в целом.

В то время как в других областях наблюдался стремительный рост числа неправительственных организаций (НПО), активно вовлеченных в решение культурных, социальных и духовных вопросов, аналитические центры продолжали сохранять свою закрытость. Безусловно, в период реформирования произошёл рост меритократии как в Министерстве иностранных дел Индонезии, так и в смежных структурах.

Это обеспечило возможность талантливым и хорошо образованным специалистам строить успешную карьеру. Однако профессиональная принадлежность, а также статус дипломата стали ключевыми факторами, определяющими возможность дальнейшей карьеры в аналитических центрах.

Таким образом, в текущей ситуации с развитием теории международных отношений в Индонезии можно наблюдать любопытную динамику. Анализируя исторический процесс и развитие общественно-политической мысли, можно выделить ряд ключевых мировоззренческих пластов, которые оказывают влияние на принятие решений индонезийскими элитами. Эти пласты включают в себя значительную философскую и идеологическую основу, а также историческое доколониальное и постколониальное наследие народов Индонезии, которое формирует их образ жизни, традиции и мировосприятие. Система государственного устройства, основанная на идеологии Панча Сила и ее современных идеолого-политических конструктах, также играет решающую роль в формировании взглядов индонезийцев на внешнюю политику и определении национальных интересов.

Важно отметить существенный разрыв между историческими аспектами и современностью, поскольку современные исследования в области международных отношений представляют собой результат целенаправленной государственной политики в сфере науки и образования и активного включения в эти процессы частных акторов, аналитических центров и институтов.

Современная система подготовки специалистов в области международных отношений в ведущих университетах Индонезии ориен-

тирована на западные стандарты, которые, в свою очередь, основаны на устаревающих теоретических парадигмах, таких как реализм. Однако это не подразумевает, что образовательная система в Индонезии воспроизводит также и западное содержательное наполнение.

Среди ученых, которые получили образование как на Западе, так и в Индонезии, прослеживается стремление исследовать уникальные основы индонезийской политической мысли. Они обращаются к историческому опыту страны, ее идеологической платформе, а также к роли Индонезии в жизни мусульманской общины и иным аспектам, находящимся за пределами западного интеллектуального поля. Это явление можно сопоставить с попытками в России интегрировать мировые практики с советским и российским опытом.

Другой проблемой развития МО в Индонезии можно считать ограниченную вовлеченность университетов и аналитических центров в процесс принятия внешнеполитических решений. То, насколько услышанным будет ученый, определяется его близостью к государственной службе, крупному бизнесу, религиозной организации, редкостью его направления исследований или популярностью в СМИ.

Некоторые ученые по-прежнему игнорируют западный опыт и стремятся к постижению ситуации в мире только через призму индонезийских научных подходов (которым, однако, не хватает концептуализации), другие же их коллеги, напротив, отказываются признавать индонезийское за «нечто достойное внимания», полагая, что западные теории способны прекрасно объяснить все тонкости индонезийского мировоззрения и положения Индонезии в мире. Большую роль в формировании государственной политики также играет сам президент и его взгляды, взгляды его окружения и их принадлежность к тем или иным политическим фракциям.

Следовательно, дискурс о теории международных отношений в индонезийском обществе, подобно многим другим аспектам его жизни, является конкурентной средой, характеризующейся разнообразием исторических и идейных основ. Это разнообразие может рассматриваться как в негативном, так и в позитивном ключе, поскольку оно обеспечивает широкий спектр внешнеполитических стратегий и концепций. Хотя опыт Индонезии в этой сфере, как уже было отмечено, не так структурирован, как, например, китайский, его изучение представляется необходимым.

Этот опыт отличается уникальностью и богатым идейным разнообразием, позволяющим каждому государству и его научному обществу находить отражение собственной идентичности и тех про-

блем, с которыми оно сталкивается в процессе познания и развития теории международных отношений.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

КУКЛИН Никита Сергеевич, кандидат исторических наук, Эксперт Центра АСЕАН МГИМО МИД России, доцент кафедры Востоковедения МГИМО, Москва, Россия

СИБАРАНИ Даме Мария Нова, кандидат исторических наук, независимый исследователь, Джакарта, Индонезия

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 09.12.2024; одобрена после рецензирования 30.12.2024; принята к публикации 31.01.2025.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Nikita S. KUKLIN, PhD (History), Expert of the ASEAN Center, Associate Professor of the Department of Oriental Studies, MGIMO MFA Russia, Moscow, Russia

SIBARANI Dame Maria Nova, PhD (History), Independent Researcher, Jakarta, Indonesia

Contributions of the authors: the authors contributed equality to this article. The authors declare no conflicts of interests.

The article was submitted 09.12.2024; approved 30.12.2024; accepted to publication 31.01.2025.

¹ Lanti I. G., Sebastian L.C. Perceiving Indonesian Approaches to International Relations Theory in Non-Western International Relations Theory Perspectives on and Beyond Asia. Buzan B., Acharya A (eds). London, Routledge., 2010. 256 p.

² Anderson B. R O'G. Language, and power: Exploring political cultures in Indonesia. Jakarta, Equinox. 2006. 352 p.

³ Holt C. Culture and politics in Indonesia. Sheffield, Equinox Pub. 2007. P. 10.

⁴ Понька Т.И., Сибарани Д.М., Куклин Н. С. Индонезийские подходы к восприятию международных отношений и мировой политики. Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история, 2018. Т. 10. №3. Сс. 282–296. doi: 10.22363/2312-8127-2018-10-3-282-296

⁵ Saunders J. Academic freedom in Indonesia: Dismantling Soeharto-era barriers. New York, Human Rights Watch. 1998. P.68.

⁶ От древних эпосов до "swing power". Индийская теория международных отношений. РСМД. Режим доступа: <https://russiancouncil.ru/nonwestern-india>

⁷ McVey R. Ben Anderson and the Imagining of Indonesia. Indonesia. No 101, 2016. pp. 15-20.

⁸ Pancasila. Indonesian political philosophy. Britannica.

URL: <https://www.britannica.com/topic/Pancasila>

⁹ Куклин Н. С. Демократические тенденции во внешней и внутренней политике постреформационной Индонезии исторический аспект. Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2021, №2 (51), С. 334.

¹⁰ Hadiwinata B. S. International relations in Indonesia: historical legacy, political intrusion, and commercialization. International Relations of the Asia-Pacific, No 9(1). 2008. P. 58.

¹¹ Hadiwinata B. S. International relations in Indonesia: historical legacy, political intrusion, and commercialization. International Relations of the Asia-Pacific, No 9(1). 2008. Pp. 55-81.

¹² Fitriani E. Developing Indonesian Perspectives in International Relations: The Argument For "Depok School", Global: Jurnal Politik Internasional: Vol. 24: No. 1, 2022, pp. 166-185.

¹³ Global: Jurnal Politik Internasional. Department of International Relations, Faculty of Social and Political Science, University of Indonesia. URL: <https://scholarhub.ui.ac.id/global/>

¹⁴ Jurnal Hubungan Internasional. UMY. URL: <https://journal.umi.ac.id/index.php/jhi>

¹⁵ Ilmu Sosial dan Ilmu Politik. UGM. URL: <https://jurnal.ugm.ac.id/jsp>

¹⁶ Anwar D. F. Indonesia's Strategic Culture: Ketahanan Nasional, Wawasan Nusantara, and Hankamrata. Griffith University: Centre for the Study of Australia-Asia Relations, Australia-Asia Papers No. 75, 1996, pp. 49.

¹⁷ Anwar D. F. Indonesia's Vision of Regional Order in East Asia amid U.S.-China Rivalry:

Continuity and Change. *Asia Policy*, 13(2), 2018, P. 57-63.

¹⁸ Sukma R. *Islam in Indonesian Foreign Policy; Domestic Weakness and The Dilemma of Dual Identity*. London, Routledge. 2003. 194 p.

¹⁹ Azra A. *Indonesia, Islam, and democracy: dynamics in a global context*. Omaha, Solstice. 2006. 242 p.

²⁰ Wuryandari G. *Politik Luar Negeri Indonesia di Tengah Pusaran politik domestik*. P2P-LIPI. 2008. 265 h.

²¹ Bakry U.S. *Dasar-dasar hubungan internasional*. Jakarta, Kencana. 2017. 332 h.

²² *Teori Hubungan Internasional Perspektif-Perspektif Klasik*. Dugis V. Ed. Cakra Studi Global Strategis. 2016. 184 h.

²³ Hadiwinata B. S. *Studi Dan Teori hubungan internasional: Arus Utama, Alternatif, Dan reflektis*. Yayasan Pustaka Obor Indonesia. 2017. 309 h.

²⁴ Banyu-Perwita A.A. Wattimena R. *Memahami Hubungan Internasional Kontemporer*. Salemba. 2019. 190 h.

²⁵ Mas'oed M. *Isu Dan Aktor Politik Luar negeri*. Gadjah Mada University Press. 2020. 337 h.

²⁶ Effendi Y., Prasetya D.M. *Kritik Jawa atas Teori Hubungan Internasional Barat*. *Jurnal Transformasi Global*. Vol. 3 No. 1. 2016. Pp. 42-64.

²⁷ Наталегава М. *На что способна АСЕАН? Взгляд изнутри*. Пер. англ. М.: Аспект Пресс. 2022. 332 с.

²⁸ *Indonesia: An Official Handbook 2000*. Republic of Indonesia. Department of information. 2000. 30 p.